

И. А. Исеев

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОЩУЩЕНИЕ ГРАНИЦЫ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

Геополитический анализ итогов Второй мировой войны приводит исследователя к неожиданному выводу, который может быть сформулирован в двух словах: «война не закончилась», – определенным подтверждением этого могут стать и фултонская речь Черчилля и высказывания двух выдающихся геополитиков двадцатого столетия – Карла Хаусхофера и Карла Шмита, – рассмотрению их идейных позиций по этой проблеме и посвящена данная работа.

Победы и поражения, ставшие результатами войны, с геополитической точки зрения, могут рассматриваться не столько как итоги и последствия, сколько как предпосылки или как предварительный этап дальнейшего противостояния. При этом просматриваются очевидные параллели между двумя послевоенными ситуациями, сложившимися поочередно в результате Первой, а затем Второй мировых войн: это ситуация 1918 и 1945 годов. Международно-правовая незавершенность, выразившаяся в положениях Версальского мира через мрачную эпоху второй великой войны оказалась перенесенной в атмосферу послевоенного мира и сопутствующей ему «холодной» войны.

Хассо Мантейфель, немецкий военный историк, заметил: «Если в прежние времена заключение мира, создававшего новый порядок и делавшего жизнь людей стабильной, являлось как бы запоздавшим, но вместе с тем более глубоким оправданием войны, то окончание этой войны мира не принесло. Если раньше война была преддверием к миру, ... то 1945 год имел скорее характер перемирия, за которым в дальнейшем должна последовать перегруппировка сил воюющих держав. Два новых мировых центра соревнуются между собой в перетягивании каната, которым являются отдельные народы и страны».¹ Не только отдельные народы, но и целые континенты в новых условиях изменили свое политическое лицо, старые национальные идеи уступили свое место новым идеологическим структурам. Изменилось само восприятие национальной идентичности и ощущение границы, очерчивающей национальное государственное и культурное пространство.

Появление новых идеологических группировок сместило узел противоречий в иной план: собственно идеологические противоречия стали модернизированной формой религиозных войн, с той разницей, что установившееся еще в XX веке господство техники (или как уточнял К. Шмитт, – вера в господство техники) придавало этой борьбе видимость деполитизированного и «идеологически-нейтрального» противостояния. Победа техницизма способствовала дальнейшей унификации, выработке единых шаблонов и взаимопроникновению прежде различающихся друг от друга культур.

Диффузия национальных пространств и «растворение» границ между ними отнюдь не исключала формирования на некоем ином, наднациональном уровне

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОЩУЩЕНИЕ ГРАНИЦЫ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

мощных центров властвования, представлявших собой полюсы, между которыми в силовом энергетическом поле продолжали существовать традиционные национальные государства, не замечающие тех изменений, которые с ними произошли. «Структура современного преобразованного человеческого общества выглядит сейчас так: огромные массы людей, населяющие тот или иной крупный район или политическую сферу влияния, а над ними - отдельные, немногие центры власти».²

Обе мировые войны означали для Европы, а именно на ее территории оказывалась основная масса пострадавших и проигравших в результате войны, не столько завершение, сколько начало перелома и коренного преобразования существующих порядков. Тревожное ощущение грядущих перемен появлялось здесь всегда по окончании войны. Постоянно производившаяся в Европе перемена границ не могла внушить чувства успокоенности и стабильности, равным образом менялось само представление о существе и надежности государственной границы.

Классическое представление о назначении и характере границы было выработано в Европе в XIX веке, в эпоху образования национальных государств. К. Хаусхофер, пожалуй, первым ввел понятие «политическое чувство границы» и был уверен в том, что оно может быть закреплено в массовом сознании только путем длительного и целенаправленного воспитания: «Кто хочет этому содействовать, должен по необходимости, ... выходить за пределы чистого наблюдения за властью и искать прежде всего в политическом силовом поле Земли образцы в высшей степени утонченного периферического ощущения пространства незаурядной личностью государства, воплощенного во всех отдельных ячейках государственного строительства, а не только ... в отдельных частях народа, сословий и классов».³ Категория тотальности самым тесным образом связывалась с понятием границы, и это был первый шаг к пониманию и оправданию самой глобалистической концепции мира: синтез географического и политического был здесь только началом, и сама геополитика представляла собой симбиоз территории и властвующей идеи («панидеи», по выражению Хаусхофера). Предметом исследования геополитики становятся процессы, демонстрирующие воплощение власти (силы) в пространстве, а именно процессы ее разделения, перераспределения и динамики, даже если речь идет только о влиянии идей и их носителей: вслед за Хаусхофером Карл Шмитт все эти формы процессов переносит на свое понятие «нового номоса Земли».

Хаусхофер, подводя итоги Первой мировой войны, писал в 1927 году: «В осознании того, что время геополитического устранения чересполосицы, нового перераспределения силы на земле с окончанием мировой войны не закончилось, а лишь началось, повсюду разворачивается лихорадочная геополитическая деятельность затрагивающая как раз проблемы границ».⁴ В результате излишне жестких договоров и принуждения, осуществляемого с помощью туманной казуистики международного права, само представление о легитимности и надежности границ было существенно поколеблено. Многие массы людей стали

в тот период связывать свои надежды со скорым разрушением границ, установленных при помощи несправедливого насилия.

Движение за самоопределение, в основе которого лежали национальные и социальные критерии, по своей сути было связано с нигилистическим восприятием самого понятия границы.

В рядах противников границы объединялись те, кто не признает границ и те, кто их разрушает: «Не признающий границы и ее разрушитель - два совершенно различных вида. Один ставит себя выше естественных границ, потому что они для него ничего не значат, а другой сознательно разрушает их, воспринимая такие рубежи как препятствия, а не защиту и органическое благодеяние». Представителей первого вида Хаусхофер именует «космополитами, гражданами мира и попутчиками Интернационала, какого бы цвета он ни был», вторых – врагами границы, стремящихся разрушить ее любой ценой, в силу того, что они родились на ее «склонной к коварству стороне».⁵

Первая мировая война явилась только «предупредительным жестом», но Европа его не заметила. Уже в тот период сложилась геополитическая ситуация, которая развернется во всю свою силу спустя два десятилетия. «Панидея», видимо выступившая на первый план, сформулирует океанскую политическую доминанту, поначалу олицетворенную Англией, а позже перешедшей к США, главному конкуренту в борьбе с древнейшим пространственным мышлением «оси истории» центральной степной империи Старого Света. Паназиатское стремление к расширению пространства выражало эту центральную панидею Евразии.

Уничтожение, политическое и пространственное, (прежде всего, идеологическое) противника, которое по мысли победителей должно привести к созданию однополюсного мира, еще не приводит к ожидаемому результату, ни первая, ни вторая мировые войны не создали единства мира, напоминающего ойкумену прошедших времен. Карл Шмитт уточняет содержание самой идеи о «единстве мира»: «речь идет о единстве организации человеческой власти, которая должна планировать, управлять и овладевать всей Землей и всем человечеством. Речь идет о важной проблеме, созрела ли уже сегодня Земля для единственного центра политической власти».⁶

Для решения этой проблемы XX век дал эффективное оружие - технику и сформировал качественно новую идеологию, технико-индустриальное мировоззрение. Техническое развитие неуклонно ведет к новым организациям и централизациям и если действительно судьбой человечества является техника, полагает Шмитт, а не политика, то сама проблема единства может считаться решенной.

Но политическая действительность дает на сегодня не картину единства, но картину дуализма, тревожного дуализма, четкого различия друга и врага (по классическому шмиттовскому определению существа политического). «Два гигантских партнера враждебно противостоят друг другу и образуют противоположность Запада и Востока.... Их вражда выражается в соединении

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОЩУЩЕНИЕ ГРАНИЦЫ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

холодной и открытой войны, в войне нервов и вооружений, в войне дипломатических нот, войне конференций и пропагандистской войне».⁷

Новая послевоенная дипломатия является синонимом «холодной» войны и продолжением войны оконченной. Изменились ее методы: если прежде целью такой «мирной» войны было разрешение спорных вопросов путем переговоров, теперь ее цель - скрытый подкуп, рассчитанный на идеологическую победу в среде населения, проживающего на территории противника. Продолжая свой спор, противники вынуждены ограничиваться психологическим театром военных действий - сражением принципиальных идей.⁸

Эта ситуация – политическая панорама Европы после Второй мировой войны. Выдвижение на первый план фактора техники с ее унифицирующей тенденцией и лицемерным утверждением о собственной аполитичности уже тогда указывало на один очень важный момент: существующий дуализм послевоенного мира - это только переходный момент к единству, последний круг в великой борьбе за единство мира. Карл Шмитт в этой связи заметил: очень скоро оставшийся в живых после сегодняшнего мирового дуализма будет единственным властителем мира. Победитель станет осуществлять единство мира согласно своим идеям. Его элиты будут представлять тип нового человека. Они будут планировать и организовывать согласно своим экономическим, политическим и моральным идеям и целям. «Тот, кто верит в сегодня уже само собой разумеющееся технически - индустриальное единство мира, должен осознавать эту последовательность и должен вполне конкретно иметь перед глазами образ одного властелина мира».⁹

Существует ли альтернатива такому политическому развитию, съедающему все ныне существующие границы и обещающему сохранить единственный властный центр на Земле? Карл Шмитт надеется: пусть Земля и стала маленькой, но она всегда будет являть собой нечто большее, чем сумма точек зрения и горизонтов, под знаком которых находится альтернатива сегодняшнего всемирного дуализма, всегда остается некий третий фактор, а может быть и множество таких факторов. Здесь обнаруживается «диалектика всякой человеческой власти, которая никогда не является безграничной, но недобровольно вызывает силы, которые однажды поставят ей границы».¹⁰

Появление третьей силы не следует смешивать с политикой нейтралитета или неприсоединения. Оно означает проявление подлинного плюрализма, множественности, равновесия многих больших пространств, формирующих новое международное право, а следовательно новые границы и новое ощущение границы. Это возврат к правовым понятиям XVIII-XIX вв., которые строились на равновесии многих держав и отражали его структуру. Хотя это право и было европоцентристским, но оно не закрепляло исключительную власть одного единственного властителя мира. Его плюралистическое построение давало возможность для сосуществования многих политических величин, которые рассматривали друг друга не как врагов и нарушителей права, но как носителей автономных порядков. И сегодняшний дуализм, считает Шмитт, имеет шанс превратиться не в единство, а во множество, он ближе к тройственности, ведь

нечетные числа имеют в политической метафизике больше преимуществ, поскольку они вернее способствуют равновесию, чем четные числа.

Победитель сознательно или бессознательно стремится разрушить установившиеся до войны порядки и границы и претендует на единоличную власть, сдерживаемую только встречной и равнозначной силой. Он говорит о равноценности всех оставшихся в живых политических организмов, о вечном мире, о политике открытых пространств: конкретным выражением такой политики становится послевоенная политика «открытых дверей» (такую панидею использовали поочередно Англия и США в своей политике универсализма, выявившейся сначала в противопоставлении «моря» «суше», а затем - в гегемонии абстрактного экономического пространства над конкретными национально-государственными образованиями). Шмитт напоминает, что власть всегда принадлежит тому, кто определяет политическую реальность и навязывает свою картину мира. Когда народ воспримет навязанные ему противником представления, понятия и язык права и власти, он может считаться окончательно поверженным. Географические границы в этой ситуации уже не играют никакой роли, они могут продолжать свое существование в качестве декоративных символов, утративших политическую значимость.

В чем видится Хаусхоферу и Шмитту, этим представителям побежденной панидеи, вероятный выход из безвыходной ситуации послепораженческого гегемонизма ее противников? Их духовный предшественник Новалис когда-то говорил о единой христианской, духовно цельной Европе. Европейцы должны вновь продумать и прочувствовать свою историю. Сознание как отдельного человека, так и целой нации должно быть поднято до общеевропейского сознания. Не отказываясь от собственных традиций и культуры европейские государства должны будут слиться в единый, но внутренне дифференцированный живой организм: «нам нужен не процесс нивелирования, который сглаживает особенности наций, а процесс роста, который дает нациям возможность развиваться, невзирая ни на какие государственные границы, и который даже стирает эти границы и сливает все нации в одну общеевропейскую нацию».¹¹

Объединенная Европа может стать той третьей силой, которая будет противостоять дуалистическому гегемонизму. Карл Шмитт предполагал, что послевоенный дуализм может разрешиться на основе общей философии истории, присущей обоим противникам, Востоку и Западу. Обе идеологии происходят из общего источника, из обоюдной веры в технический прогресс, родившейся в XVIII-XIX вв., и этим демонстрируют видимое единство, лежащее в основе дуализма. Обе претендуют на то, чтобы быть истинной идеологией и истинной демократией.... Ни Хаусхоферу, ни Шмитту не довелось стать свидетелями разрешения политического дуализма, которое произошло в конце XX века и которое вновь смешало все составные части и границы послевоенной Европы, иначе оба мыслителя вновь могли бы почувствовать себя ветеранами состоявшейся очередной мировой войны, но ветеранами страны, на этот раз оказавшейся в числе победителей. Однако геополитический анализ и на этот раз не

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОЩУЩЕНИЕ ГРАНИЦЫ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

внушил бы им большого оптимизма: окончание «третьей мировой» создало новые проблемы, отнюдь не обеспечило безопасности старых границ и не устранило угрозы политической глобализации. Ощущение границы по-прежнему остается тревожным, в «мире без границ» человек, как существо индивидуалистическое, не может чувствовать себя в безопасности.

¹ Мантейфель Х. На переломе // Итоги Второй мировой войны. – М. 1957. – С. 610.

² Мантейфель Х. Указ. соч. – С. 616.

³ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. – М. 2001. – С. 116.

⁴ Хаусхофер К. Указ. соч. – С. 246.

⁵ Хаусхофер К. Указ. соч. – С. 42.

⁶ Шмитт К. Единство мира // «Европеец». – 2004. – № 3. – С. 52.

⁷ Шмитт К. Единство мира. – С. 53.

⁸ См.: Мантейфель Х. Указ. соч. – С. 618.

⁹ Шмитт К. Единство мира. – С. 53.

¹⁰ Там же. – С. 54.

¹¹ Мантейфель Х. Указ. соч. – С. 622.